

К 60-летию Победы во Второй мировой войне

Вступление СССР в войну с Японией и территориальный вопрос

© 2005

А. Кошкин

В японской исторической литературе широкое распространение имеет версия о "ненужности" участия Советского Союза в войне на Дальнем Востоке в 1945 году. Подобную трактовку событий выдвигает и правительство Японии. В изданной в 1992 году посольством Японии в Москве для распространения среди российского населения брошюре "Северные территории Японии", в частности, утверждается: "9 августа 1945 года, три дня спустя после атомной бомбардировки Хиросимы и в тот же день атомной бомбардировки Нагасаки, Советский Союз, в нарушение Пакта о нейтралитете, вступил в войну против Японии, поражение которой уже не вызывало никаких сомнений".¹

При этом нередко можно услышать обвинения СССР в том, что, вступая в войну, И.Сталин спешил воспользоваться поражением Японии, чтобы захватить Южный Сахалин и Курильские острова. Однако вступление СССР в войну было отнюдь не спонтанным сиюминутным решением, а вытекало из всего комплекса союзнических отношений между СССР, США и Великобританией, охватывающего не только проблему войны с Японией, но ход и исход всей Второй мировой войны. Вступление СССР в войну являлось следствием коалиционного характера войны с обеих сторон и имело прямое отношение к широким планам и договоренностям союзников по поводу послевоенного устройства мира. Без осознания этого факта трудно объективно оценивать события 1945 года, вскрывать подлинные причины решения глав союзных держав об участии СССР в войне против Японии. Необходимо также иметь правильное представление о том, каковы были мотивы США и Великобритании при решении вопроса о послевоенной принадлежности Южного Сахалина и Курильских островов, как и почему эти мотивы изменялись в ходе "холодной войны".² По

От Перл-Харбора до Ялты

8 декабря 1941 года, уже на следующий день после нападения японского флота на военно-морскую базу Перл-Харбор на Гавайях, президент

Кошкин Анатолий Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор Восточного университета.

США Ф.Рузвельт через посла СССР в Вашингтоне М. Литвинова высказал советскому правительству пожелание об участии СССР в войне против Японии.²

Позиция Сталина в отношении просьбы Рузвельта была сформулирована в телеграмме В.Молотова (министр иностранных дел) послу в США Литвинову от 10 декабря 1941 года. В ней послу поручалось передать Рузвельту следующее: “Мы не считаем возможным объявить в данный момент состояние войны с Японией и вынуждены держаться нейтралитета, пока Япония будет соблюдать советско-японский пакт о нейтралитете. Мотивы:

Первое: Советско-японский пакт обязывает нас к нейтралитету, и мы не имеем пока основания не выполнять своё обязательство по этому пакту. Мы не считаем возможным взять на себя инициативу нарушения пакта, ибо мы сами всегда осуждали правительства, нарушающие договоры.

Второе: В настоящий момент, когда мы ведём тяжёлую войну с Германией и почти все наши силы сосредоточены против Германии, включая сюда половину войск с Дальнего Востока, мы считали бы неразумным и опасным для СССР объявить теперь состояние войны с Японией и вести войну на два фронта. Советский народ и советское общественное мнение не поняли бы и не одобрили бы политики объявления войны Японии в настоящий момент, когда враг ещё не изгнан с территории СССР, а народное хозяйство СССР переживает максимальное напряжение...

Наша общественность вполне сознаёт, что объявление состояния войны с Японией со стороны СССР ослабило бы сопротивление СССР гитлеровским войскам и пошло бы на пользу гитлеровской Германии. Мы думаем, что главным нашим общим врагом является всё же гитлеровская Германия. Ослабление сопротивления СССР германской агрессии привело бы к усилению держав оси в ущерб СССР и всем нашим союзникам”³.

Получив это послание Сталина, Рузвельт 11 декабря во время встречи с советским послом заявил, что он об этом решении сожалеет, но на месте Советского Союза поступил бы так же. Вместе с тем, Рузвельт просил советских руководителей не объявлять публично о решении соблюдать нейтралитет с Японией, создать у японцев впечатление, что вопрос остаётся как бы не решённым. Это, по мнению Рузвельта, должно было привязать к границам СССР как можно больше японских войск с тем, чтобы они не освободились для действий против Англии и Америки. Он несколько раз повторил эту просьбу.

Анализируя содержание послания советского лидера Рузвельту, можно прийти к выводу, что Сталин понимал важность советской помощи США в войне с Японией, но убедительно разъяснял нецелесообразность вступления СССР в войну “в настоящий момент”. Тем самым он давал понять, что такая помощь станет возможной в случае успешного развития обстановки на советско-германском фронте. При этом важное значение имеет то, что ответ Сталина Рузвельту был дан 9 декабря, то есть спустя лишь три дня после начала контрнаступления под Москвой, результаты которого ещё были не ясны.

Несколько по-иному о возможности вступления СССР в войну против Японии Сталин говорил через десять дней во время бесед с прибывшим в Москву министром иностранных дел Великобритании А.Иденом, который от имени своего правительства, как и Рузвельт, прямо поставил вопрос о помощи СССР в войне с Японией.

Из записи беседы И.Сталина с А.Иденом 17 декабря (24 часа 00 минут): “...Затем тов. Сталин коснулся положения на Дальнем Востоке, высказав при этом мнение, что Япония, конечно, может иметь там некоторые первоначальные успехи, но что в конечном счёте через несколько месяцев Япония должна потерпеть крах.

Иден ответил, что слова тов. Сталина сильно поднимают его дух, ибо он привык с большим уважением относиться к его суждениям⁴.

«...Далее Иден поставил вопрос о Дальнем Востоке. Ввиду серьёзности создавшегося там положения он просил тов. Сталина сказать, может ли и когда Англия рассчитывать на известную помощь ей против Японии. Иден понимает, что такая помощь в настоящий момент для нас едва ли мыслима. Но как будет обстоять дело, например, весной?

Тов. Сталин ответил, что, если СССР объявил бы войну Японии, то ему пришлось бы вести настоящую, серьёзную войну на суше, на море и в воздухе. Это ведь не то, что декларация войны, которую Япония могла бы объявить Бельгия или Греция. Стало быть, советское правительство должно тщательно учитывать свои возможности и силы. В настоящий момент СССР ещё не готов для войны с Японией. Значительное количество наших дальневосточных войск в последнее время было переброшено на Западный фронт. Сейчас на Дальнем Востоке формируются новые силы, но потребуется ещё не меньше четырёх месяцев, прежде чем СССР будет надлежащим образом подготовлен в этих районах. Тов. Сталин полагает, что было бы гораздо лучше, если бы Япония напала на СССР. Это создало бы более благоприятную политическую и психологическую атмосферу в нашей стране. Война оборонного характера была бы более популярна и создала бы монолитное единство в рядах советского народа. Лучшей иллюстрацией тому является война СССР против гитлеровской агрессии. Тов. Сталин полагает, что нападение Японии на СССР возможно и даже вероятно, если немцы начнут терпеть поражения на фронте. Тогда Гитлер пустит в ход все средства нажима для того, чтобы вовлечь Японию в войну с СССР.

Иден высказал опасения, что японцы в Восточной Азии смогут применить чисто гитлеровскую тактику — бить врагов поодиночке: сначала покончить с Англией, а потом напасть на Советский Союз.

Тов. Stalin возразил, что Англия не одна воюет против Японии. Вместе с ней воюют Китай, Голландская Индия и США...

Тов. Stalin спросил, что думает Иден о позиции Китая? Собирается ли он действительно воевать?

Иден ответил, что китайское правительство заявляет о своей готовности воевать.

Тов. Stalin, однако, возразил, что китайское правительство сейчас фактически ничего не делает. Затем он прибавил, что был бы готов возобновить разговоры с Англией на тему о дальневосточной ситуации весной. Возможно, конечно, что японцы атакуют СССР раньше, когда позиция сама собой прояснится.

Иден поблагодарил тов. Сталина за его готовность вернуться к дальневосточному вопросу через несколько месяцев...⁵

Как следует из содержания бесед с Иденом, Stalin уже менее категорично, чем в ответе Рузвельту, отвергал возможность подключения СССР к борьбе с Японией. Возможно, это было сделано под влиянием успеха советского контрнаступления под Москвой, которое к 20 декабря уже принесло первые реальные результаты.⁶ Однако нельзя исключать и то, что при этом преследовались весьма важные стратегические цели.

Нападение Японии на США и Великобританию заставило Вашингтон и Лондон просить СССР об открытии второго фронта на Востоке. Не исключено, что Stalin, «обещая» вернуться к вопросу о подключении к борьбе против Японии, имел в виду тем самым подтолкнуть правительства западных держав в качестве ответной меры открыть второй фронт против Германии в Европе. Не случайно, в беседе с Иденом Stalin фактически связал перспективу уча-

стия СССР в войне с Японией с “открытием второго фронта в Европе, например, на Балканах”.

Трудно допустить возможность того, что Сталин в декабре 1941 года действительно всерьёз помышлял о том, чтобы весной 1942 года вступить в войну с Японией, тем самым исключив возможность использовать дальневосточные войска на советско-германском фронте, как это и произошло во время критической ситуации во время сталинградской битвы.

Что же касается утверждения Сталина о сохранении опасности японского вероломного нападения на СССР весной 1942 года, то для этого он имел веские основания. Из сообщений советской разведки он знал, что начало Японией военных действий на юге не означало окончательного отказа от плана нападения на СССР. В директиве императорской ставки (дайхонъэй) № 1048 от 3 декабря 1941 года нацеленной на Советский Союз Квантунской армии ставилась задача: “В соответствии со складывающейся обстановкой осуществить усиление подготовки к операциям против России. Быть в готовности начать боевые действия весной 1942 года”.

Неудачное наступление советских войск под Харьковым и начавшаяся затем битва за Кавказ и Сталинград, продолжавшаяся блокада Ленинграда исключали возможность оказания военной помощи союзникам на Дальнем Востоке.

Тем не менее правительства США и Великобритании продолжали предпринимать дипломатические шаги, направленные на вовлечение СССР в войну с Японией. Так, вскоре после захвата японскими войсками островов Кыска и Атту (Алеутские острова) Рузвельт, действуя по просьбе Объединенного комитета начальников штабов США (ОКНШ), вновь поднял этот вопрос в послании Сталину от 17 июня 1942 года.⁸ Однако, неся основную тяжесть войны против Германии, СССР не мог одновременно вступить в войну против Японии.

Лишь после победы советских войск в Сталинградской битве в 1943 году, важную роль в которой сыграли дальневосточные соединения и части, Сталин стал соглашаться рассматривать вопрос об открытии в будущем второго фронта на Востоке. Почувствовав эти изменения в позиции Москвы, американцы удвоили свои усилия для того, чтобы “обеспечить советское участие в войне против Японии”.⁹ В подготовленной для переговоров на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19-30 октября 1943 года) инструкции ОКНШ США указывалось: “Полное участие России в войне против Японии после разгрома Германии имеет важное значение для более быстрого и сокрушительного разгрома Японии с наименьшими потерями для США и Великобритании”.¹⁰

По инициативе западных держав вопрос об участии СССР в войне на Дальнем Востоке обсуждался в 1943 году на Тегеранской конференции глав государств СССР, США и Великобритании. Во время конференции Сталин впервые счёл возможным официально пообещать помочь СССР в войне против Японии, но только после поражения Германии. Хотя до такого развития событий было ещё далеко, Сталину было важно дать подобное обещание в расчёте на ответные шаги западных стран по ускорению решения вопроса об открытии второго фронта против Германии. Сталин заявил в Тегеране: “Мы, русские, приветствуем успехи, которые одерживались и одерживаются англо-американскими войсками на Тихом океане. К сожалению, мы пока не можем присоединить своих усилий к усилиям наших англо-американских друзей потому, что наши силы заняты на Западе и у нас не хватает сил для каких-либо операций против Японии. Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы вести оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить, по крайней мере, в три раза. Это может иметь

место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда — общим фронтом против Японии".¹¹

Несмотря на то, что обещание Сталина было сделано в общей форме, и он уклонился от обсуждения конкретных вопросов советского участия в будущей войне на Дальнем Востоке, перспектива подключения СССР к войне стала предусматриваться стратегическими планами американцев и англичан. Так, при определении общего стратегического замысла дальнейшего ведения войны президент США и премьер-министр Великобритании 25 мая 1943 года одобрили доклад объединённого англо-американского штаба, в котором было записано: «После разгрома стран оси в Европе направить все ресурсы США и Великобритании во взаимодействии с другими странами тихоокеанского бассейна и, если будет возможно — с Россией, на достижение в возможно короткий срок безоговорочной капитуляции Японии».¹²

После состоявшейся 6 июня 1944 года давно обещанной, но долгое время откладывавшейся высадки войск союзников в Европе руководители США и Великобритании активизировали свои усилия по привлечению СССР к военной кампании на Дальнем Востоке. В послании Черчиллю от 30 сентября 1944 года Stalin подтвердил данное обещание, заявив: «Что касается Японии, то наша позиция остаётся той же, что была в Тегеране».¹³

В тот же день, 30 сентября, в Токио на императорском совещании была утверждена «Основная программа руководства войной», предусматривавшая укрепление обороны оккупированных территорий и метрополии. На этом совещании была названа «последняя линия обороны» — линия от Курильских островов до территории Бирмы. Корея и Китай (с Маньчжурией) рассматривались как стратегический тыл. В Токио считали, что стойкая оборона войск на этой линии могла бы открыть для Японии возможность избежать капитуляции и закончить войну компромиссным миром на основе удержания части оккупированных территорий.¹⁴ Для этого имелись определённые основания, ибо англо-американские войска, одержав ряд побед на Тихом океане, оказались неспособными воспрепятствовать развернувшемуся в 1944 году новому наступлению японской армии в Китае, где оккупированные ранее территории на севере и в центре страны были соединены с Индокитаем, а через Малайю — с Сингапуром.

Вопрос о скорейшем завершении войны с Японией лидеры западных держав намеревались детально обсудить на новой встрече руководителей трёх держав, с предложением о проведении которой Рузвельт обратился к Сталину ещё 19 июля 1944 года. На следующий день такое же предложение внёс и Черчиль.

В связи с выдвижением кандидатуры Рузвельта на новый президентский срок было принято решение провести встречу после выборов в США и официального вступления президента в должность, то есть не раньше начала февраля 1945 года. Местом встречи, получившей кодовое наименование «Аргонавт», была определена Ялта.

На Крымскую (Ялтинскую) конференцию были вынесены такие важные вопросы, как завершение войны против фашистской Германии, послевоенное устройство Европы, учреждение Организации Объединённых Наций. При этом особое значение США и Великобритания придавали обсуждению в Ялте вопроса о полномасштабном участии СССР в войне с Японией. Государственный секретарь США Э.Стеттиниус отмечал, что на Крымской конференции делегация США хотела прежде всего вступления СССР в войну против Японии.¹⁵

Накануне Крымской конференции Объединённый комитет начальников штабов США и Великобритании на совещаниях 30 января-2 февраля 1945 года на острове Мальта подтвердил запланированную дату окончания войны с Япо-

нией — “через 18 месяцев после поражения Германии”.¹⁶ Другими словами, завершить войну планировалось не раньше конца 1946 года. Следует отметить, что это был оптимистический прогноз, ибо в 1943 году на Вашингтонской конференции глав США и Великобритании речь шла об окончательном разгроме Японии лишь в 1948 году.¹⁷ Руководители США и Великобритании, и в первую очередь военное командование этих стран, были единодушны в том, что ускорить завершение войны с Японией, сохранив жизни сотен тысяч, если не миллионов, американских и английских солдат, возможно только при условии совместных действий с Советским Союзом.

Договорённости в Ялте

14 декабря 1944 года посол США в Москве А.Гарриман при встрече со Сталиным заявил, что “президент просил его поставить перед маршалом Сталиным вопросы, относящиеся к Дальнему Востоку... Сталин говорит, что он готов изложить Гарриману пожелание Советского Союза. СССР хотел бы получить Южный Сахалин, то есть вернуть то, что было передано Японии по Портсмутскому договору, а также получить Курильские острова”. Одновременно были высказаны и другие пожелания Советского правительства, затрагивавшие интересы СССР в Китае.¹⁸

Важно иметь в виду, что стремление восстановить права СССР на Южный Сахалин и Курильские острова возникло не в связи с желанием получить эти территории в виде “трофеев” после победы над Японией.

В годы вооружённой интервенции на территории Советской России Япония захватила и северную часть Сахалина, оккупация которой продолжалась до 1925 года. К моменту заключения 20 января 1925 года Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией фактически не существовало какого-либо действующего двустороннего соглашения, определявшего принадлежность Курильских островов. Как известно, Курильские острова отошли от России к Японии в результате так называемого “обменного договора” 1875 года, по которому японское правительство отказывалось от претензий на Сахалин, получая за это всю Курильскую гряду. Хотя японское правительство не соглашается с тем, что японо-русская война и условия Портсмутского мирного договора об отторжении от России Южного Сахалина отменили результаты территориального размежевания по договору 1875 года¹⁹, в России (СССР) исходили из обратного. Как отмечал впоследствии Сталин в своём обращении к советскому народу 2 сентября 1945 года, “Япония воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на востоке все выходы в океан”²⁰.

Советское руководство, устанавливая в 1925 году дипломатические отношения СССР с Японией, хотя и подтвердило действенность Портсмутского договора, вместе с тем сделало особую оговорку о том, что “признание действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 года никоим образом не означает, что правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение указанного договора”.²¹ Тем самым было указано, что СССР оставляет за собой право добиваться возвращения Южного Сахалина. Учитывая, что оккупация Южного Сахалина была осуществлена в результате развязанной Японией войны и в нарушение “обменного договора” 1875 г., в СССР не отказывались и от исторических прав на ранее принадлежавшие России Курильские острова. Об этом было прямо заявлено министру иностранных дел Японии Ё.Мацуоке в апреле 1941 года в

ходе переговоров о заключении советско-японского пакта о нейтралитете. Правда, речь тогда шла о выкупе у Японии Южного Сахалина и Курильских островов.²²

Как известно, президент Рузвельт согласился с выдвинутым Сталиным условием о том, что после победы над Японией Южный Сахалин и Курильские острова перейдут к СССР. В связи с этим после войны появилась версия о том, что американский президент тем самым "купил" участие СССР в войне с Японией, расплатившись "японскими территориями". В действительности же, никакого "торга" между Сталиным и Рузвельтом не было.

По одобренному 28 сентября 1944 года Рузвельтом плану будущих операций против Японии СССР отводились следующие задачи: "Прервать транспортную связь между японской метрополией и Азиатским континентом; разгромить японские войска в Маньчжурии и уничтожить их авиационные части и соединения; обеспечить господство в воздухе над Южным Сахалином и Хоккайдо".²³

Выполнение столь масштабных задач требовало от СССР больших усилий, чреватых новыми человеческими и материальными потерями, которые и без того были огромны. Сознавая это, лидеры США и Великобритании с пониманием относились к тем политическим условиям, которые выдвигал СССР.

В работах японских историков существуют указания на то, что при подготовке к Ялтинской конференции госдепартамент США разработал для президента справочные материалы, в которых предлагалось передать после войны Южный Сахалин и Курильские острова под международную опёку (a trust area). Однако при этом признаётся, что президент США не проявил к ним интереса.²⁴ В ответ на попытки чиновников госдепартамента объяснить Рузвельту, что Курильские острова, в отличие от южной части Сахалина, Японии не завоёвывались путём агрессии, он отмахнулся, заметив, чтобы к нему не приставали с "пустяками".²⁵ Это не вызывает удивления, поскольку для Рузвельта и американского командования выдвинутые Сталиным условия отнюдь не являлись чрезмерными, а представлялись даже естественными. Хорошо известно заявление Рузвельта о том, что ему "представляется резонным предложение со стороны советского союзника. Русские хотят вернуть то, что у них было отторгнуто".²⁶ Обоснованность решения о восстановлении прав СССР на Южный Сахалин и Курильские острова признавал и Черчилль, который заявил: "Мы будем рады видеть русские суда на Тихом океане и одобляем восполнение потерь, понесённых Россией в русско-японской войне".²⁷

Рузвельт задолго до Ялтинской конференции считал необходимым удовлетворить все территориальные претензии СССР к Японии. Ещё 19 июля 1943 года временный поверенный в делах СССР в США А.Громыко сообщал в Москву, что "Гопкинс (ближайший помощник и советник Рузвельта) уверен, что при личной встрече Рузвельт может удивить Сталина, насколько он, Рузвельт, готов далеко пойти в признании наших прав, в частности по территориальному вопросу. Гопкинс заявил, что у Рузвельта есть по территориальному вопросу определённые обдуманные планы, которые он изложил бы при встрече со Сталиным".²⁸

К началу 1945 года Япония обладала для обороны метрополии, Кореи и оккупированных территорий в Китае значительными людскими силами, насчитывающими свыше 7 млн человек, в том числе 6 млн человек в сухопутных войсках и авиации, и имела на вооружении 10 тыс. самолётов и около 500 боевых кораблей. Силы США и Великобритании на Тихом и Индийском океанах и в Юго-Восточной Азии составляли соответственно 1,8 млн военнослужащих и 5 тыс. самолётов.²⁹ Такое соотношение исключало возможность быстрой победы

западных держав над Японией. Участие СССР в войне являлось для США и Великобритании не просто желательным, а жизненно необходимым. Президент Рузвельт откровенно заявил Сталину в Ялте, что он не хочет высаживать войска в Японии, если можно будет обойтись без этого, и пойдёт на такой шаг только в случае крайней необходимости. “На островах у японцев имеется 4-миллионная армия, и высадка будет сопряжена с большими потерями. Однако, если подвергнуть Японию сильной бомбардировке, то можно надеяться, что всё будет разрушено и, таким образом, можно будет спасти много жизней, не высаживаясь на острова”³⁰, — разъяснил он. При этом американцы не скрывали свою большую заинтересованность в том, чтобы проведение крупномасштабных наземных операций против японских войск, в первую очередь в Маньчжурии, было возложено на вооружённые силы СССР. В этих условиях, Рузвельт, похоже, считал недопустимым вступать в дискуссию со Сталиным по поводу столь незначительного в то время для США вопроса о Южном Сахалине и Курильских островах. Стремясь не раздражать советского лидера “мелкими вопросами”, Рузвельт счёл целесообразным полностью согласиться с заявленными Сталиным условиями. Как вспоминал тогдашний посол СССР в США А.Громыко, утром следующего дня после открытия конференции Сталин получил от Рузвельта письмо, извещавшее о признании правительством США прав Советского Союза на Южный Сахалин и Курильские острова. Ознакомившись с переводом этого письма, Сталин сказал: “Америка заняла хорошую позицию. Это важно и с точки зрения будущих отношений с США”³¹.

Заботу о будущем американо-советских отношений проявлял и Рузвельт. За годы войны между ним и Сталиным сложились отношения честного партнёрства, о чём в немалой степени свидетельствует обширная переписка и личные контакты в Тегеране и Ялте.³² Существует немало указаний на то, что Рузвельт искренне стремился перенести дух сотрудничества с СССР в годы войны и на послевоенный период, считая что гарантами обеспечения прочного мира в будущем должны стать в первую очередь США и СССР.

В связи с этим, сомнительной представляется версия о том, что, соглашаясь на передачу Советскому Союзу Курильских островов, Рузвельт якобы имел тайное намерение тем самым создать большие сложности в советско-японских отношениях в будущем. Как будет показано ниже, подобные замыслы существовали не у Рузвельта, а у традиционно антисоветски настроенных чиновников американского госдепартамента, которые впоследствии стремились осуществить их через сменившего Рузвельта президента Трумэна.

Соглашаясь с тем, что вступление СССР в войну против Японии может состояться лишь после окончательного разгрома Германии, главы правительства США и Великобритании не скрывали своей заинтересованности в том, чтобы это произошло как можно раньше. Это было связано с серьёзными опасениями возможной переброски крупных сил Квантунской армии в метрополию Японии, что значительно усилило бы её оборону. Из официальных американских документов следует, что “основная забота американского правительства состояла в том, чтобы добиться скорейшего вступления СССР в войну с Японией с тем, чтобы не допустить передислокации Квантунской армии в метрополию в момент вторжения”³³.

Сталин с пониманием отнёсся к этим опасениям. Если в Тегеране он дал принципиальное согласие вступить в войну против Японии “через шесть месяцев после завершения войны в Европе”³⁴, то в Ялте, несмотря на большие сложности переброски советских войск на Восток, этот срок был значительно сокращён. Войну с Японией Сталин пообещал начать “через два-три месяца

после капитуляции Германии". Это решение советского лидера было с большим энтузиазмом воспринято союзниками.

В исторических работах японских исследователей до сих пор предпринимаются попытки объяснить "уступчивость" Рузельта в Ялте его слабым здоровьем.³⁵ По этому поводу в вышедшей в СССР многотомной "Истории Второй мировой войны 1939–1945г." отмечалось: "Соглашение по Дальнему Востоку не было результатом усилий одного только Рузельта и не являлось следствием его политической близорукости или слабого здоровья... В то время президента поддерживали многие политические деятели и высшее командование вооружённых сил США (госсекретарь Стеттинус, генерал Маршалл и другие). В частности, перед началом конференции (Ялтинской. — А.К.) соображения Рузельта были одобрены на заседании Объединенного комитета начальников штабов, состоявшемся в январе 1945 года на острове Мальта. Поэтому обвинения "антялтинцев" в том, что Рузельт совершил "делку за спиной конгресса и нации", совершенно несостоятельны".³⁶

К этому следует добавить, что достигнутые в Ялте соглашения по Японии были полностью одобрены премьер-министром Великобритании У.Черчиллем, который даже в обстановке начавшейся затем "холодной войны" признавал, что согласие советского правительства вступить в войну "имело величайшее значение" для Англии и США. Не только Рузельт, но и Черчилль без каких-либо возражений и сомнений подписал 11 февраля 1945 года соглашение трёх держав по вопросам Дальнего Востока, в котором со всей определённостью было зафиксировано, что "претензии СССР должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией".

Сталин и Трумэн

Следует отметить, что не все в правительственные кругах США приветствовали будущее участие СССР в войне на Дальнем Востоке, считая, что в этом случае будет трудно устраниć Советский Союз от решения вопросов послевенного политического устройства в Восточной Азии. В Вашингтоне, понимая, что вступление СССР в войну обернётся серьёзной поддержкой коммунистическим силам Китая и Кореи, стремились этого не допустить. Генерал Макартур писал вскоре после Крымской конференции: "Меня сейчас больше беспокоит вероятность вступления России в войну против Японии и Маньчжурии, а это значит, что наше внимание должна занимать судьба северных и приморских районов Китая".³⁷ Планами США предусматривалось "Не позволять советским войскам войти в боевой контакт с Народно-освободительной армией Китая, помешать объединению сил коммунистов Китая с Красной Армией в Северо-Восточном и Северном Китае".³⁸ Однако военные соображения в то время преобладали над политическими.

Предпринятые США весной 1945 года "ковровые бомбардировки" не столько истощали военную мощь японской империи, сколько приводили к огромным потерям среди мирного населения таких густонаселённых городов, как Токио и Осака. Серьезно пострадали и другие города. Хотя американцы добились господства в воздухе и на море, было очевидно, что одними бомбардировками принудить Японию к скорой капитуляции не удастся. Несмотря на весьма ощутимые потери и сокращение производственной базы страны, японское правительство и командование готовились к затяжным действиям, считая, что в результате упорного "сражения за метрополию" можно будет изменить ход войны в пользу Японии и угрозой больших потерь союзников склонить их к почётному для Японии миру. Со своей стороны американское командование

исходило из того, что для вторжения на японские острова потребуется семимиллионная армия и потери будут неприемлемо большими".³⁹

После смерти в апреле 1945 года президента Рузвельта его место занял Г.Трумэн. Кончина Рузвельта являлась невосполнимой потерей для дела сотрудничества СССР и США как в войне, так и в послевоенный период. В Москве это хорошо понимали.

Как отмечал Громыко в своих воспоминаниях, после смерти Рузвельта "брешь в политической жизни США образовалась зияющая. Международные последствия её оказались огромными. К власти в США пришёл Трумэн, бывший вице-президент. Как политик он до этого светил вроде Луны-отражённым светом. В советско-американских отношениях почти сразу же стали проявляться серьёзные натянутости".⁴⁰

Во время вступления в должность Трумэн был проинформирован о секретных работах по созданию атомной бомбы. Перспектива появления у США "супероружия" породила среди новой американской администрации надежду на то, что война может быть завершена в результате атомной бомбардировки. В таком случае Трумэн и его ближайшее окружение предпочли бы обойтись без участия СССР в войне с Японией. Однако уверенности в том, что атомная бомба будет создана в ближайшее время, не было. Поэтому заинтересованность в выполнении Советским Союзом данных в Крыму обязательств сохранилась.

Трумэн исходил из того, что именно "вступление СССР в войну окончательно убедит Японию в неизбежности её полного разгрома".⁴¹ Стремясь получить по возможности точную дату вступления СССР в войну, он направил в Москву в качестве своего личного представителя Гопкинса. Такая информация была получена 28 мая 1945 года. Сталин сообщил Гопкинсу и американскому послу Гарриману: "Советская Армия будет полностью развёрнута на маньчжурских позициях до 8 августа".⁴²

О том, что привлечение СССР к разгрому Японии являлось для США вопросом решённым, убедительно свидетельствуют американские секретные планы оккупационного режима для японской территории. По этим планам, страна должна была быть разчленена на четыре оккупационные зоны: американскую, советскую, английскую и китайскую. При этом, советские войска должны были занять обширную территорию японской метрополии, включавшую северный остров Хоккайдо и весь северо-восток основного острова Японии Хонсю. Считалось, что расчленение Японии на зоны значительно ослабит бремя организации оккупационного режима и позволит США резко сократить численность предназначенных для этого американских войск. По существовавшим расчётам, в случае самостоятельной оккупации США требовалось по меньшей мере 800 тыс. солдат и офицеров или 23 дивизии.⁴³

Однако мысль о том, чтобы отстранить СССР от послевоенного урегулирования в Восточной Азии, не давала Трумэну покоя. Когда к лету 1945 года из секретных лабораторий поступили сведения, что работы по созданию атомного оружия вступили в завершающую стадию, в американской администрации возобладало стремление скорейшим нанесением атомных ударов по Японии опередить вступление СССР в войну. Трумэн, вопреки желанию Черчилля, сознательно затягивал проведение запланированной встречи лидеров трёх держав в Берлине, надеясь к началу Берлинской конференции иметь готовую атомную бомбу как инструмент политического давления на СССР в вопросах послевоенного устройства мира. Американское руководство рассчитывало на то, что атомная бомба "поможет сделать Россию гговорчивой в Европе". Широко-

ко известно высказывание Трумэна по этому поводу: "Если бомба взорвётся, что, я думаю, произойдёт, у меня, конечно, будет дубина для этих парней".⁴⁴

Однако многое зависело от этого "если". На проходившем 18 июня совещании представителей высшего командования США, несмотря на перспективу создания атомной бомбы, был подтверждён курс на сохранение в США плана "Даунфол", предусматривавшего высадку американских войск на территорию собственно Японии. При этом американские генералы продолжали настаивать на обязательном привлечении СССР к разгрому Японии. Опыт кро-вопролитных боёв за острова Иводзима и Окинава убеждал их, что японцы будут сопротивляться отчаянно. Военный министр США Г.Л.Стимсон в памятной записке Трумэну от 2 июля 1945 года писал: "Начав вторжение, нам придётся, по моему мнению, завершать его даже ещё более жестокими сражениями, чем те, которые имели место в Германии. В результате мы понесём огромные потери и будем вынуждены оставить Японию".⁴⁵

Готовясь, к Берлинской коференции, американцы испытывали весьма противоречивые чувства. С одной стороны, уповая на скорое обладание атомной бомбой, они уже гораздо меньше желали участия СССР в войне с Японией, а, с другой — по чисто военным соображениям не могли отказаться от помощи Советского Союза, поскольку уверенность и в том, что атомная бомба положит конец войне, не было.

В ходе Берлинской (Потсдамской) конференции, отметив, что дела союзников в войне против Японии не таковы, чтобы требовалась активная помощь Великобритании, президент США прямо заявил, что "США ожидают помощи от СССР". В ответ Сталин сказал, что "Советский Союз будет готов вступить в действие к середине августа, и, что он сдержит своё слово".⁴⁶

Прибыв в Потсдам, Трумэн с нетерпением ждал результатов запланированного к началу конференции испытания атомной бомбы. Краткая телеграмма об успешном взрыве была вручена президенту вечером 16 июля. В ней сообщалось, что результаты испытания "удовлетворительны и даже превзошли ожидания". Через несколько дней, 21 июля, из США поступил подробный письменный отчёт об испытательном взрыве близ авиабазы Аламагордо в пустынном районе штата Нью-Мексико.⁴⁷

Встал вопрос о том, в какой форме сообщить о новом оружии Сталину. По согласованию с Черчиллем Трумэн после заседания 24 июля как бы в неофициальном порядке проинформировал главу советской делегации о том, что в США разработано оружие огромной разрушительной силы. При этом слова "атомная бомба" произнесены не были. Вопреки ожиданиям Сталин внешне не проявил интереса к полученной информации и в ходе последующих заседаний к этому вопросу не возвращался. У Черчилля даже сложилось впечатление, что советский лидер "не понял значения" сделанного ему сообщения.⁴⁸

Однако дело обстояло как раз наоборот. Сталин отреагировал таким обескуражившим союзников образом именно потому, что он всё прекрасно понял. Советское правительство уже давно располагало данными о том, что в США ведутся работы по созданию атомного оружия, и в качестве ответной меры также вело аналогичные работы.⁴⁹

Стремление правительства США устраниТЬ СССР от участия в победе над Японией проявилось при опубликовании 26 июля 1945 года Потсдамской декларации, в которой содержались условия капитуляции Японии перед США, Великобританией и Китаем. Декларация призывала японское правительство немедленно капитулировать и предупреждала, что "иначе Японию ждёт быстрый и полный разгром".

Советская делегация в Потсдаме получила в день подписания декларации лишь её копию — “для сведения”. Отвечая на просьбу Молотова несколько повременить с опубликованием декларации, госсекретарь США Дж. Бирнс заявил, что “это желание уже невозможно выполнить”. При этом в качестве оправдания занятой западными союзниками позиции он сказал: “Президент не передал этой декларации раньше, так как Советский Союз не находится в состоянии войны с Японией”.⁵⁰ На заседании 28 июля Сталин не преминул выразить своё неудовольствие. При оглашении адресованной советскому правительству ноты Японии о посредничестве в переговорах о перемирии он заявил: “Хотя нас не информируют как следует, когда какой-нибудь документ составляется о Японии, однако мы считаем, что следует информировать друг друга о новых предложениях”⁵¹.

В первом пункте Потсдамской декларации, к которой затем присоединился и Советский Союз, было заявлено, что “Японии даётся возможность окончить эту войну”. Однако японское правительство не пожелало воспользоваться этой возможностью, проигнорировав Потсдамскую декларацию. Занятая японским правительством позиция затягивала окончание войны, вела народы к новым жертвам и лишениям.

В точном соответствии с обещанием, данным в Крыму, ровно через три месяца после капитуляции Германии правительство СССР 8 августа объявило Японии войну. Существует мнение, что Сталин, вступая в войну, преследовал цель ещё до капитуляции Японии оккупировать Южный Сахалин и Курильские острова. Однако, при этом почему-то не обращается внимание на то, что для возвращения этих территорий СССР не обязательно было вступать в войну. Как указывалось выше, японское правительство было готово само передать СССР Южный Сахалин и Курильские острова, о чём советское правительство имело обширную информацию.⁵² Однако в Кремле хорошо понимали, что согласие с предложениями японского правительства вернуть территории без войны могло резко осложнить отношения СССР с США и Великобританией, быть расценено как акт предательства. Сталин же считал, что союзнический долг должен быть выполнен, а Япония, капитулировав, в полной мере должна понести наказание за развязанную кровопролитную войну.

Немаловажное значение имело и то, что Сталин не хотел быть отстранённым от послевоенного политического процесса в Восточной Азии, и в первую очередь в Китае. Односторонний ввод американских войск на территорию Китая был чреват поражением коммунистических сил этой страны и установлением непосредственно у границ СССР недружественного проамериканского режима. Хотя Сталин избегал открытой демонстрации поддержки Компартии Китая в борьбе за власть в стране, в действительности ставка делалась в первую очередь и главным образом на Мао Цзэдуна. Поэтому вступление в войну на Дальнем Востоке преследовало не только задачу скорейшего разгрома японских вооружённых сил, но и одновременно было направлено на создание благоприятных для СССР военно-стратегических и geopolитических позиций в восточноазиатском регионе.

Что же касается часто упоминающегося в Японии факта “нарушения Советским Союзом пакта о нейтралитете 1941 года”, то здесь важное значение имело то обстоятельство, что в статье второй пакта предусматривалось следующее: “В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта”. Неоспоримым фактом истории является то, что в ходе Второй мировой войны Япония оказалась “объектом военных действий” не в резуль-

тате нападения третьих стран на Японию, а вследствие агрессивных действий самой Японии. В связи с этим видный российский востоковед академик Российской академии наук С.Л.Тихвинский прямо указывает в своей недавней работе: “С декабря 1941 года этот пакт уже не накладывал на Советский Союз никаких обязательств и превращался в пустой лист бумаги, так как Япония сама вероломно напала 7 декабря 1941 года на США и Великобританию, к тому времени ставших союзниками нашей страны по антигитлеровской коалиции”.⁵³ Японское же правительство стало рассматривать этот пакт как “пустой лист бумаги” ещё раньше, а именно сразу же после нападения на СССР Германии, ближайшего военного союзника Японии. Об этом свидетельствуют многие опубликованные после войны японские документы о готовности правительства Японии в ходе советско-германской войны в нарушение пакта о нейтралитете вероломно напасть на СССР с Востока.

И ёщё. Возлагая всю “ответственность” за нарушение пакта о нейтралитете на СССР, японское правительство и официальная историография фактически избегают упрёков в адрес США и Великобритании, которые своими требованиями выполнения Советским Союзом союзнического долга во многом предопределили участие СССР в войне против Японии. При этом в документах периода войны ни Рузвельт или Трумэн, ни Черчилль никогда даже не упоминали советско-японский пакт о нейтралитете, видимо, считая, что все соглашения предвоенного периода не могут и не должны препятствовать достижению главной цели — победы над гитлеровской коалицией.

После вступления СССР в войну отношения между Сталиным и Трумэном ёщё больше осложнились. Обладание атомной бомбой побудило Трумэна отказаться от плана выделения для СССР зоны оккупации на территории собственно Японии и предоставить всю полноту власти в этой стране американскому генералу Макартуру.⁵⁴ Более того, в направленном 15 августа Сталину “Общем приказе № 1” о капитуляции японских вооружённых сил, Трумэн “забыл” указать, что японские гарнизоны на Курильских островах должны сдаваться и капитулировать перед войсками СССР. Это явилось сигналом того, что Трумэн может нарушить ялтинскую договорённость о переходе Курил к СССР.

Сталин ответил сдержанно, но твёрдо, предложив внести в “Общий приказ № 1” следующие поправки:

“1. Включить в район сдачи японских вооружённых сил советским войскам все (подчёркнуто нами. — А.К.) Курильские острова, которые согласно решению трёх держав в Крыму должны перейти во владение Советского Союза.

2. Включить в район сдачи японских вооружённых сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо, примыкающего на севере к проливу Лаперуза, находящемуся между Карабуто и Хоккайдо. Демаркационную линию между северной и южной половиной острова Хоккайдо провести по линии, идущей от гор. Кусиро на восточном берегу острова до города Румоэ на западном берегу острова, с включением указанных городов в северную половину острова”.

Объясняняя желательность иметь район оккупации на территории собственно Японии, Stalin указал, что “это... имеет особое значение для русского общественного мнения. Как известно, японцы в 1919–1921 годах держали под оккупацией своих войск весь Советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы серьёзно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории”.⁵⁵ Свои предложения Stalin назвал скромными и выразил надежду, что они не встретят возражений.

Как известно, Трумэн согласился “включить все Курильские острова в район, который должен капитулировать перед Главнокомандующим советскими вооружёнными силами на Дальнем Востоке”. Что касается второго предложения по поводу занятия советскими войсками северной части Хоккайдо, то оно было отвергнуто Трумэном без каких-либо объяснений. Более того, Трумэн от имени американского правительства выразил желание “располагать правами на авиационные базы для наземных и морских самолётов на одном из Курильских островов, предпочтительно в центральной группе”.

Не скрывая своего неудовольствия безапелляционным отказом Трумэна на допущение советских войск на Хоккайдо, Сталин в довольно резкой форме отверг требование США о предоставлении баз на Курильских островах, указав, что “требования такого рода обычно предъявляются либо побеждённому государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории”.⁵⁶ Тем самым было дано понять, что в соответствии с Ялтинским соглашением СССР обладает правом распоряжаться всеми Курильскими островами по собственному усмотрению.

В связи с вышеизложенным трудно согласиться с утверждением японского правительства о том, что советское командование якобы намеревалось оккупировать Курильские острова только вплоть до острова Уруп, а острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи оккупировали лишь, “узнав об отсутствии (на них) американских войск”.⁵⁷ Как следует из вышеприведённых документов и Сталин, и Трумэн вели речь о включении в советскую зону оккупации “всех” Курильских островов. Это было со всей определённостью подтверждено в изданном 29 января 1946 года Меморандуме главнокомандующего союзных держав Макартура японскому императорскому правительству, в котором указывалось, что из-под юрисдикции государственной или административной власти Японии исключаются все находящиеся к северу от Хоккайдо острова, в том числе “группа островов Хабомаи (Хапомандзё), включая острова Сусио, Юри, Акиюри, Сибоу и Тараку, а также остров Шикотан”.⁵⁸

Создание проблемы “северных территорий”

До начала 50-х годов в Японии имелось понимание необоснованности предъявления СССР каких-либо территориальных претензий. Пограничное размежевание, хотя и не было оформлено в виде советско-японского мирного договора, тем не менее считалось вопросом разрешённым. С этим фактически соглашалась и администрация США.

Однако, по мере всё большего осложнения советско-американских отношений и перехода к политике “холодной войны” в Вашингтоне поставили задачу превратить Японию в дальневосточный бастion борьбы против своего недавнего союзника — Советского Союза. После образования в 1949 году Китайской Народной Республики государственный секретарь США Д.Аcheson в январе 1950 года призвал “восстановить Японию как один из основных барьеров против коммунизма в Азии”.⁵⁹ В известной степени ответом на создание КНДР и КНР было участие США в войне с Кореей, в которой Япония активно использовалась как тыловая база американской армии. В нарушение принятой в 1947 году послевоенной конституции Японии американские власти встали на путь воссоздания японских вооружённых сил. С другой стороны, правительство США изыскивало возможность обойти 12-й пункт Потсдамской декларации о выводе в результате урегулирования с Японией всех иностранных войск с её территории, чего открыто добивался СССР.

В Вашингтоне стремились заключить с Японией мирный договор на условиях сохранения в стране американского военного присутствия. Скорейшее подписание подобного договора было необходимо американцам ещё и потому, что в широких слоях японского народа росли антиамериканские настроения, усиливались протесты против сохранения затянувшегося оккупационного режима. Командовавший американскими войсками в Японии генерал Макартур в своих донесениях в Вашингтон особо подчёркивал, что продолжение оккупации “может навсегда поссорить США и Японию”.⁶⁰

Зная о сопротивлении советского правительства вовлечению Японии в военную стратегию США на Дальнем Востоке, в феврале 1950 года руководитель дипломатической секции штаба Макартура, впоследствии заместитель помощника госсекретаря США, У.Себолд высказал мнение о том, что “необходим решительный манёвр, а именно заключение сепаратного мира с Японией без участия России”.⁶¹ Эту позицию разделяли в госдепартаменте США. Сепаратный характер планировавшегося договора проявился и в вопросе об участии в мирной конференции Китая. Великобритания считала, что на конференцию должна быть приглашена КНР. Американцы же настаивали, чтобы её место заняли разгромленные в 1949 году и укрывшиеся на Тайване чанкайшисты.

Вопрос об участии КНР в процессе урегулирования с Японией рассматривался Сталиным как ключевой. Об этом свидетельствуют утверждённые ЦК ВКП(б) директивные указания делегации СССР на конференции в Сан-Франциско. В них было записано: “Делегация должна главное своё внимание сосредоточить на вопросе о приглашении КНР к участию в конференции”.⁶²

Директивами также предусматривалось внести на обсуждение поправки по территориальному вопросу. Советская делегация решительно выступила против того, что США, вопреки подписанным ими международным соглашениям, фактически отказывались признать в договоре суверенитет СССР над территориями Южного Сахалина и Курильских островов. “Проект находиться в грубом противоречии с обязательствами в отношении этих территорий, взятыми на себя США и Англией по Ялтинскому соглашению”, — заявил глава делегации СССР на Сан-францисской конференции А.Громыко.

В разработанный США текст мирного договора с Японией было включено положение о том, что “Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 года”. Включая этот пункт в текст договора, Трумэн и его министры отнюдь не стремились “безусловно” выполнить данные СССР обязательства, как об этом говорилось в Ялтинском соглашении. Напротив, есть немало свидетельств того, что США сознательно вели дело к тому, чтобы и в случае подписания СССР Сан-Францисского договора противоречия между Японией и Советским Союзом сохранялись.

Как отмечалось выше, идея использовать заинтересованность СССР в возвращении Южного Сахалина и Курильских островов для привнесения раздоров между СССР и Японией в будущем существовала в государственном департаменте США ещё с конца 1944 года, то есть со времени подготовки к Ялтинской конференции. В подготовленных для Рузвельта материалах особо отмечалось, что “уступка Советскому Союзу южнокурильских островов создаст ситуацию, с которой Японии будет трудно примириться. Это будет восприниматься японцами как утрата исторически принадлежащих нации островов и ценных с точки зрения рыболовства районов. Если эти острова будут превращены в форпост (России), для Японии возникнет постоянная угроза”.⁶³ В отли-

чие от Рузвельта администрация Трумэна решила воспользоваться этой ситуацией и оставить вопрос о Южном Сахалине и Курильских островах как бы в "подвешенном состоянии".

Протестуя против этого, Громыко заявил, что "при решении территориальных вопросов в связи с подготовкой мирного договора не должно быть никаких неясностей".⁶⁴ США же, будучи заинтересованными в недопущении окончательного и всеобъемлющего урегулирования советско-японских отношений, стремились именно к таким "неясностям". Как можно иначе расценить американский курс на то, чтобы, включив в текст договора отказ от Японии от Южного Сахалина и Курильских островов, в то же время не допустить признания Японией суверенитета СССР над этими территориями? В результате усилиями США создавалась странная, если не сказать — абсурдная ситуация, когда Япония отказывалась от указанных территорий как бы вообще, без чёткого определения, в чью пользу совершается этот отказ. И это происходило тогда, когда Южный Сахалин и все Курильские острова в соответствии с Ялтинским соглашением и другими документами уже были официально включены в состав СССР. Конечно же, не случайно американские составители договора предпочли не перечислять в его тексте поимённо все Курильские острова, от которых отказывалась Япония, сознательно оставляя для японского правительства возможность предъявить претензии на их часть, что и было сделано в последующий период. Это было настолько очевидно, что правительство Великобритании даже пыталось, хотя и безуспешно, воспрепятствовать столь яльному отходу от договорённости "большой тройки" — Рузвельта, Сталина и Черчилля в Ялте.

В меморандуме британского посольства государственному департаменту США от 12 марта 1951 года указывалось: "В соответствии с Ялтинским (Ялтинским) соглашением, подписанным 11 февраля 1945 года, Япония должна уступить Советскому Союзу Южный Сахалин и Курильские острова". В американском ответе англичанам было заявлено: "США считают, что точное определение пределов Курильских островов должно стать предметом двустороннего соглашения между японским и советским правительствами или должно быть юридически установлено Международным судом".⁶⁵

С согласия и поощрения американцев глава японской делегации С.Ёсида сделал на конференции заявление о том, что южнокурильские острова (Итуруп, Кунашир, Хабомаи и Шикотан) якобы "не входят в Курилы, которые должны быть отданы".⁶⁶ Тем самым создавались предпосылки для развертывания в Японии кампании требований "возвращения северных территорий".

Однако уже во время Сан-францисской конференции, а также после неё японское правительство не могло не ощущать серьёзную уязвимость избранной японской делегацией позиции. Это со всей очевидностью проявилось при ратификации мирного договора в парламенте Японии. Заведующий договорным департаментом МИД Японии Кумао Нисимура 6 октября 1951 года вынужден был сделать в палате представителей парламента следующее заявление: "Поскольку Японии пришлось отказаться от суверенитета на Курильские острова, она утратила право голоса на окончательное решение вопроса об их принадлежности. Так как Япония по мирному договору согласилась отказаться от суверенитета над этими территориями, данный вопрос, в той мере, в какой он имеет к ней отношение, является разрешённым".⁶⁷

Ещё более определённо позиция японского МИДа, а значит правительства, была сформулирована К.Нисимура 19 октября 1951 года на заседании специального комитета по вопросу ратификации Сан-Францисского мирного договора палаты представителей парламента Японии, когда он заявил:

“Территориальные пределы архипелага Тисима (Курильских островов. — А.К.), о которых говориться в договоре, включают в себя как северные Тисима, так и Южные Тисима”.⁶⁸ Таким образом, при ратификации японским парламентом Сан-францисского договора высший законодательный орган японского государства констатировал факт отказа Японии от всей Курильской гряды.

1 июня 1955 года в Лондоне начались советско-японские переговоры о прекращении состояния войны, заключении мирного договора и восстановлении дипломатических и торговых отношений. Вопреки условиям капитуляции и положениям Сан-Францисского мирного договора японское правительство сначала предъявило территориальные претензии на “острова Хабомаи, Шикотан, архипелаг Тисима и южную часть острова Карафуто (Сахалин)”. Однако вскоре в Токио поняли, что эта попытка коренным образом ревизовать итоги войны обречена на провал и приведёт лишь к обострению двусторонних отношений с СССР. Это, в частности, могло сорвать процесс принятия Японии в Организацию Объединённых Наций. Поэтому японское правительство, продолжая оспаривать принадлежность Курильских островов и Южного Сахалина Советскому Союзу, решило для достижения согласия ограничить свои территориальные претензии южной частью Курил, вновь заявив, что она якобы не подпадает под действие Сан-Францисского мирного договора.

Стремясь получить поддержку этой позиции со стороны подписавших Сан-Францисский договор ведущих государств мира, в октябре 1955 года японское правительство обратилось к правительствам США, Великобритании и Франции с официальным запросом. Правительствам этих государств предлагалось ответить на вопрос: “Существует ли у вас понимание того, что в “Курильские острова”, о которых говорится в Сан-Францисском договоре, не включаются острова Кунашир и Итуруп?” Однако поддержку своей позиции Япония получила только от своего нового союзника — США. Великобритания и Франция же в своих официальных ответах по существу отказались поддержать ничем не обоснованный японский вариант толкования Сан-Францисского мирного договора.⁶⁹

Как известно, компромиссные условия удалось выработать только в октябре 1956 года. Советско-японские отношения были нормализованы подписанием Совместной декларации. Актом доброй воли стало решение советского правительства передать Японии расположенные поблизости от Хоккайдо острова. В декларации говорилось: Советский Союз, “идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов будет произведена после заключения мирного договора”.

Совместная декларация была подписана японским премьер-министром И.Хатояма фактически вопреки позиции администрации США, которая делала всё возможное для того, чтобы полная нормализация советско-японских отношений, включая окончательное определение линии прохождения границы, не состоялось. Оказывая сильное давление на кабинет Хатояма, США не останавливались перед прямыми угрозами. Госсекретарь США Дж. Даллес в октябре 1955 года в ноте правительству Японии предупреждал, что расширение экономических связей и нормализация отношений с СССР “может стать препятствием для осуществления программы помощи Японии, разрабатываемой правительством США”. Находясь в марте 1956 года в Токио, он “строго-настрого наказал послу США в Японии Аллисону и его помощникам не допустить успешного завершения японо-советских переговоров”.⁷⁰ В конце августа, не скрывая своего намерения сорвать эти переговоры, Даллес пригрозил японцам, что, в случае, если по мирному договору с СССР Япония согласится признать Юж-

ный Сахалин и Курильские острова, США навечно сохранят за собой остров Окинаву и весь архипелаг Рюкю. Для того, чтобы поощрить японцев продолжать выдвижение неприемлемых для Советского Союза требований, США пошли на прямое нарушение Ялтинских соглашений. В ноте госдепартамента США, направленной японскому правительству в сентябре 1956 года было заявлено: “Правительство США пришло к заключению, что острова Итуруп и Кунашир (наряду с островами Хабомаи и Шикотан, которые являются частью Хоккайдо) всегда были частью Японии и должны по справедливости рассматриваться как принадлежащие Японии”. Далее в ноте говорилось: “США рассматривали Ялтинское соглашение просто как декларацию об общих целях стран-участниц Ялтинского совещания, а не как имеющее законную силу окончательное решение этих держав по территориальным вопросам”.¹¹ Тем самым американцы создавали необходимую “базу” для выдвижения территориальных претензий к СССР и развёртывания движения “за возвращение северных территорий”.

В результате подписания Совместной декларации были созданы условия для заключения между СССР и Японией мирного договора. Японцы “в душе” были готовы на эти условия и даже были удивлены неожиданной уступчивостью предложившего компромисс Н.Хрущёва. Как признавал впоследствии полномочный представитель правительства Японии на советско-японских переговорах 1955–1956 годах С.Мацумото, когда он впервые в ходе переговоров услышал предложение советской стороны о готовности передать Японии островов Хабомаи и Шикотан, то “сначала не поверил своим ушам”, а “в душе очень обрадовался”.¹² И это неудивительно. Ведь, получая Хабомаи и Шикотан, японцы на законных основаниях значительно расширяли свою зону рыболовства, что было весьма важной целью нормализации японо-советских отношений.

Важно отметить, что советское правительство действовало в строгом соответствии с достигнутыми договорённостями. СССР отказался от получения репараций с Японии, согласился досрочно освободить отбывавших наказание японских военных преступников, поддержал просьбу Японии о приёме в ООН. После ратификации Совместной декларации из Москвы в Сахалинскую область были направлены разъяснения по поводу предстоящей, как тогда считалось, передачи островов Хабомаи и Шикотан под японскую юрисдикцию. Одновременно подтверждалась линия на развёртывание хозяйственного развития остальных островов Курильской гряды (об этом автору статьи в 1975 году сообщил в беседе тогдашний первый секретарь Сахалинского обкома КПСС П.Леонов).

Однако то, что было выгодно японцам, не устраивало американцев. США открыто воспротивились реализации советско-японских договорённостей и в ультимативной форме потребовали отказаться от заключения советско-японского мирного договора на условиях Совместной декларации. Усилив своё давление, США добились отставки кабинета Хатоямы, который вскоре был заменён проамериканским настроенным кабинетом Н.Киси. Новый кабинет министров Японии, уступая давлению США, стал уходить от переговоров о заключении мирного договора. В качестве “обоснования” этой позиции вновь были выдвинуты требования вернуть Японии четыре южнокурильских острова. В заявлении МИД Японии появились утверждения, что нормализация японо-советских отношений не кладёт конец, а наоборот, якобы предполагает дальнейшие переговоры по территориальному вопросу.

Заключение в 1960 году направленного против СССР и КНР японо-американского “договора безопасности” ещё более осложнило разрешение вопроса о линии прохождения границы между Японией и СССР, ибо в сложив-

шейся на Дальнем Востоке военно-политической обстановке "холодной войны" любые территориальные уступки Японии способствовали бы расширению территории, используемой иностранными войсками. Столкнувшись с нежеланием японского правительства, за спиной которого стояли США, выполнять положения Совместной декларации и расценив подписание японо-американского "договора безопасности" как враждебный акт, советское правительство заявило, что вопрос о территориальном урегулировании с Японией после Второй мировой войны уже решён соответствующими международными соглашениями.

Последовавшая история советско-японских переговоров о заключении мирного договора хорошо известна. Японское правительство стремилось "подкрепить" свою позицию в отношении южных Курил кампанией за возвращение "северных территорий", а правительство СССР жёстко отстаивало политическую линию на то, что "территориального вопроса не существует".

Характеризуя политику Японии в отношении СССР в годы "холодной войны", профессор Калифорнийского университета (США) Цуёси Хасэгава отмечает: "Изменения, которые наступили в годы холодной войны, произошли не в советско-японских отношениях, они произошли в отношениях США и СССР, когда союзники в годы войны стали врагами, а США и Япония, которые были врагами в годы войны, стали союзниками... Цель США состояла в том, чтобы вовлечь Японию в свою глобальную стратегию... Даже после обретения Японией независимости Окинава оставалась под контролем США, американские военные базы усеяли страну. США стремились избежать антиамериканизма и национализма... Проблема северных территорий позволила встроить Японию в глобальную стратегию США и, отводя японский национализм от себя, направить его против Советского Союза.

Эта стратегия была удобна и для японских консервативных правительств... Японии был нужен враг для облегчения усилий по восстановлению страны после поражения в войне, достижения независимости, воссоздания экономики, возвращения в сообщество государств, опираясь на американскую военную мощь в обеспечении безопасности. Память об унижении от СССР наряду с угрозой послевоенного коммунизма помогли Японии воспользоваться "холодной войной", добиться независимости, стать частью свободного мира... И когда Японии потребовалось увеличить свою военную мощь, приведя её в соответствие со статусом экономической державы, "советская угроза" была избрана в качестве удобного повода осуществить это без риска раскола общественного мнения... Ухудшение отношений с СССР соответствовало японским национальным интересам. Японцы самостоятельно выбрали эту стратегию.

Фактически, после восстановления дипломатических отношений с Москвой, можно сказать, что у Токио не было внешней политики на советском направлении — только "политика северных территорий"... Проблема северных территорий выполняла роль клапана для стравливания пара в международных отношениях на Дальнем Востоке. С этой точки зрения было важно, чтобы территориальный спор оставался нерешённым. Отсюда жёсткая позиция Японии с требованиями немедленного возвращения всех островов и отказ обсуждать предложения о передаче части территорий".⁷³

Продолжая мысль профессора Хасэгавы, можно утверждать, что применительно к обстановке "холодной войны" проблема "северных территорий" была не столько целью политики, сколько средством осуществления антисоветской стратегии США и Японии.

Заключение

При заключении советско-японского пакта о нейтралитете ничто не предвещало создания союзнической коалиции СССР с США и Великобританией. Более того, в Вашингтоне и Лондоне с большим подозрением восприняли факт подписания такого соглашения. После нападения Германии на СССР, а Японии на США и Великобританию, в мире создалась принципиально новая ситуация. СССР как союзник западных держав оказался в сложном положении, когда необходимо было выбирать приоритеты, а именно, решать, неукоснительно соблюдать нейтралитет в отношении войны Японии с США и Великобританией или занять вытекающую из союзнических обязательств позицию оказания помощи союзникам в этой войне, вплоть до вооружённого участия в ней. При разрешении этой дилеммы советское правительство исходило из того, что в аналогичной ситуации японское правительство заняло недружественную СССР позицию, прямо заявив летом 1941 года, что для Японии является первичным Тройственный пакт с Германией и Италией, предусматривавший помощь Японии в их войне против Советского Союза. Проводимая Японией по договорённости с Германией политика сковывания советских вооружённых сил на Дальнем Востоке и в Сибири значительно осложняла для СССР военное положение на советско-германском фронте, затягивала борьбу с Германией, вела к увеличению жертв в войне. Это ставило Японию в положение враждебной стороны.

Решение Советского Союза выступить против Японии было ответом на настойчивые официальные обращения США и Великобритании. Лидеры этих стран считали, что такое решение естественно вытекает из коалиционного характера Второй мировой войны и является закономерным в отношении государства — активного участника противостоящей коалиции враждебных государств. Именно выполнение союзнического долга является главным обоснованием объявления Сталиным войны Японии.

Япония могла избежать вступления СССР в войну, а также атомной бомбардировки, своевременно приняв содержащиеся в Потсдамской декларации условия капитуляции и объявив о прекращении военных действий. В связи с этим очевидна ответственность правительства милитаристской Японии за последовавшие события, принесшие неоправданные новые жертвы. Японское правительство отвергло Потсдамскую декларацию, хотя знало о неизбежном вступлении в этом случае в войну СССР.

Принимая условия капитуляции, правительство Японии соглашалось с тем, что территория государства будет ограничена четырьмя основными островами, а судьба всех остальных территорий будет определена союзниками. В момент капитуляции и в первые послевоенные годы у японских лидеров не было возражений по поводу вывода из состава японского государства не включённых союзниками в метрополию территории, в том числе Южного Сахалина и Курильских островов.

Обязательность для Японии положений Ялтинского соглашения вытекает не только из принятой ею Потсдамской декларации, но и Сан-Францисского мирного договора 1951 года, в котором зафиксировано, что Япония признаёт все решения и все договоры союзников периода Второй мировой войны, а, следовательно, и Ялтинское соглашение.

Не вызывает сомнения, что Сан-Францисский мирный договор был подписан и ратифицирован Японией, исходя из понимания того, что в его тексте содержался полный отказ от всех Курильских островов, включая их южную часть. Выдвинутая затем японским правительством "концепция" о том,

что Кунашир и Итуруп якобы не входят в географическое понятие "Курильские острова", не выдерживает критики и встречает противников даже в самой Японии.

Ответственность за то, что положение советско-японской Совместной декларации 1956 года о подписании мирного договора на условиях передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан осталось невыполненным, лежит на правительствах Японии и США.

Нежелание правительства Японии признавать вышеуказанные очевидные факты, а также сохранение стереотипов периода "холодной войны" создают серьёзную преграду для нахождения взаимоприемлемых договорённостей об условиях заключения мирного договора, теперь уже между Россией и Японией.

1. Северные территории Японии. Посольство Японии в Москве, 1992. С. 8.
2. История Второй мировой войны 1941–1945 гг.: Воениздат, 1980. Том 11. С. 30.
3. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы в двух томах: Москва: Издательство политической литературы, 1984. Том 1. С. 144.
4. Из личного архива И.Сталина. Цит. по: Ржешевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии 1941–1942: Москва: Наука, 1997. С. 36,37.
5. Там же. С. 58–59.
6. Профессор Ржешевский О.А. отмечает: "Заявление Сталина о готовности через несколько месяцев вернуться к обсуждению вопроса о вступлении СССР в войну с Японией может указывать на завышенные расчеты советского руководства, связанные с успехом развернувшегося контрнаступления Красной Армии в битве под Москвой"// см: Война и дипломатия. С. 64.
7. Кантогун (Квантунская армия). Асагумо симбунся, 1974. Ч. 2. С. 84.
8. История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Том 11. С. 30.
9. Dean J.The Strange Alliance. The Study of Our Efforts at Wartime Cooperation with Russia. New York, 1947. P.47.
10. Lensen G. The Strange Neutrality. Soviet-Japanese Relations during the Second World War 1941–1945. Tallahassee, 1972. P. 259.
11. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945гг. Том II. Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании. (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) Сборник документов. Москва, 1978. С. 95.
12. Говард М. Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1943 гг. Москва, 1980. С. 420. (пер. с англ.)
13. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной Войны, 1941–1942 гг. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. — ноябрь 1945 г.). МИД СССР. 2-е издание. Москва: Политиздат, 1986 г. С. 301.
14. Японский милитаризм. (Военно-историческое исследование). Москва: Наука, 1972. С. 216.
15. Stettinius E. Roosevelt and The Russians. The Yalta Conference. London, 1955. P.90–91.
16. Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers (FRUS). The Conferences at Malta and Yalta 1945. Washington, 1955. P.476.
17. Говард М. Указ. соч. С. 382.
18. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941 — 1945. Том II. С. 272. В беседе с Гарриманом Сталин также напомнил, что в Тегеране президент (Рузвельт) по собственной инициативе поднял вопрос о предоставлении Советскому Союзу выхода к теплым морям на Дальнем Востоке. При этом президент говорил о Порт-Артуре и Дайрене, которыми раньше пользовалась Россия на правах аренды. Советский Союз хотел бы, заявил Сталин, восстановить пользование на условиях аренды этими портами, а также ведущей к ним через Мукден, Чанчунь, Харбин железной дорогой и Китайско-Восточной железной дорогой, которая сокращает Советскому Союзу пути сообщения с Владивостоком. При этом Китай должен полностью сохранить суверенитет на территориях, по которым проходят

- эти дороги. Советское правительство также желает, чтобы было полностью сохранено статус-кво Внешней Монголии (МНР).
19. Северные территории Японии. С. 7.
20. Правда. 1945 г. 3 сентября.
21. Документы внешней политики СССР. Москва, 1963. Том 8. С 77.
22. См.: Дипломатический вестник. МИД РФ. № 23 — 24 Декабрь 1994.
23. Нихон дзёрику сакусэн. Бэйкоку кимицу бунсё [Операции по высадке на территорию Японии. Секретные документы США] // Санксиося. Токио, 1985. С. 94 — 95.
24. См. подробнее: Кадзиура Ацуси. Ярута кётэй-о мэгуру бэйкоку-ко сэйсаку. САС бунсё то Радзуэрту [Политика США на Ялтинской конференции. Документы Си-Ай-Си и Рузвельт]. Нихон кокусай мондай кэнкюсё. № 25. Октябрь 1997. С. 102 — 116.
25. См.: Курилы. Острова в океане проблем. Москва: Россспэн, 1998. С. 176.
26. Leahy W. I was there: The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman. London, 1950. P.373.
27. Churchill W. The Second World War. London, 1953. Vol. VI. P.341.
28. Советско-американские отношения... Т.1. С. 351 — 352.
29. Великая Отечественная война Советского Союза 1941 — 1945. Краткая история. Москва, 1965. С. 528.
30. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. Москва, 1984. С. 129.
31. Громыко А.А. Памятное. Кн. первая. Москва, 1988. С. 189 — 190.
32. Известно послевоенное высказывание вдовы американского президента Элеоноры о том, что “Сталин нравился Рузвельту”. Сталин также симпатизировал Рузвельту как человеку, о чем довольно подробно писал в своих мемуарах А. Громыко. (См.: Громыко А.А. Указ. соч. С189 — 191, 196 — 197.)
33. United States Relations with China. Reference to the Period 1944-1949. Washington, 1949. P.8.
34. Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений: Москва: Институт международных отношений, 1961г. С. 425.
35. Росシア кэнкю. 1997. № 25. С. 115-116.
36. История Второй мировой войны 1939-1945 гг. Том 11. С. 34.
37. Kratter G. Plans and Reality. Chicago, 1946. P. 114.
38. China Handbook (1952 — 1953). Taipei, 1954. P. 82-83.
39. История Второй мировой войны 1939 — 1945. Том 11. С. 213.
40. Громыко А.А. Указ. соч. С. 211.
41. Truman H. Memoirs. Vol.1. Years of Decision. New York, 1955. P. 415.
42. Lensen G. Op. cit. P. 265.
43. См. подробнее: Нихон бункацу [Раздел Японии]: Гаккэн, 1978. С. 27-39.
44. Daniels J. The Man of Independence: The Life and Times of Harry Truman. New York, 1951. P. 266.
45. Эрман Дж. Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945. Москва, 1985. С. 271-272.
46. Советский Союз на международных конференциях... Берлинская (Потсдамская) конференция. Москва, 1984. С. 40.
47. FRUS. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945. Washington, 1960. Vol II / H.1360.
48. Новая и новейшая история. 1994. № 6. С.84-85.
49. История Второй мировой войны 1939 — 1945. Том 11. С. 153.
50. Берлинская конференция... С. 205.
51. Там же. С. 209.
52. См. подробнее: Сюсэн сироку. Токио, 1977. Том III.
53. Тихвинский С. Л. Россия и Япония. Обречены на добрососедство. Москва, 1996. С. 25-26.
54. Нихон бункацу. С. 73-75.
55. Переписка председателя Совета министров СССР.... С. 285.
56. Там же. С. 286-287.
57. Северные территории Японии. Министерство иностранных дел Японии. 1996. С. 6.
58. От холодной войны к трехстороннему сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Москва, 1993. С. 139.

59. Материалы и документы по истории послевоенной Японии за двадцать лет. 1945 — 1965 гг. Токио, 1967. Том 6. С. 24 (на яп. яз.).
60. Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Москва, 1978. Том I. С. 216.
61. Nippon Times. 1950. 16 февраля.
62. Цит. по: Тихвинский С. Л. Указ. соч. С. 54.
63. Росシア кэнкю. 1997. № 25. С. 104.
64. Правда. 1951. 7 сентября.
65. От холодной войны к трехстороннему сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С. 144-145.
66. Там же. С. 149.
67. Акахата. 1969. 6 марта. Цит. по: К.Е. Черевко. Япония на дальневосточных рубежах России и СССР (XVII — XX вв.). Москва, 1987. С. 97.
68. Цит. по: Фува Тэцудзо. Тисима мондай то хэйва дзёяку [Проблема островов Тисима и мирный договор]: Синнихон сюппанся. Токио, 1998. С. 19.
69. Там же. С. 17-19.
70. Синсо. Июнь 1956. Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Том I. С. 230.
71. Международные отношения... С. 226.
72. См. подробнее: Мацуумото Сюнъити. Москува-ни какэру нидзи. Ниско кокко кайфукку хироку [Радуга над Москвой. Секретные документы о восстановлении японо-советских отношений]: Асахи симбунся. Токио, 1966.
73. Хасэгава Цуёси. "Хоппо рёдо" то сэнсо 50 нэн. [Северные территории и пятьдесят лет после войны]: Тью корон. Октябрь 1995. С. 162-180. См. также: Japanecho. Vol. 22. № 4. Winter 1995. С. 24-31. Столь широкое цитирование работы профессора Хасэгавы объясняется тем, что он одним из первых среди японских и американских исследователей попытался дать объективную оценку причин и обстоятельств возникновения "проблемы северных территорий".